

Отразив натиск Хуа Маньсяна, Меч Мирного Века заставил демона отпрянуть. Шэнь Мэнчжуан стремительно рванулся вперед и опустился на землю рядом с Лу Цинюанем. При виде окровавленного, истерзанного юноши у него болезненно сжалось сердце — будто эта мука терзала его собственное тело.

Из пробитых ладоней Сяо Цзю все еще торчали цветочные гвозди, из ран непрерывно хлестала кровь. Тонкое, изможденное тело содрогалось в мучительных судорогах. Губы юноши окрасились багрянцем, а налипшая грязь вперемешку с кровью полностью скрыла черты его лица. Из груди его то и дело вырывался тихий, прерывистый стон.

Шэнь Мэнчжуан резким взмахом рукава сокрушил вонзившиеся в плоть гвозди. Осторожно, боясь причинить еще большую боль, он сжал в своих ладонях его изувеченные пальцы и позвал тихим, дрожащим от волнения голосом:

— Сяо Цзю, очнись! Я здесь, всё уже позади.

Сознание Лу Цинюаня почти угасло. Сквозь плотную корку запекшейся крови он не мог даже разомкнуть веки.

Вокруг смыкалась беспросветная мгла. В этой беспредельной, удушающей пустоте ему чудилось, будто он медленно погружается в пучину ледяного, безжизненного океана. Океана, где никто не протянет руку помощи, где его гибель не встревожит ни единую живую душу.

Тело стремительно уходило на глубину. Смертоносный холод стискивал со всех сторон; ледяная влага заливала рот и глаза, проникала под кожу, жадно выпивая остатки тепла и гася последние проблески мыслей.

Бездонная пучина смерти. Неумолимый водоворот, из которого нет возврата, где остается лишь покорно ждать конца. Он все падал и падал во мрак. В отчаянии Лу Цинюань попытался нащупать опору, слепо вытянув онемевшие пальцы, но вокруг простиралась лишь звенящая пустота.

«Неужели на этот раз... всё действительно кончено?»

«Как же холодно...»

Пронизывающая стужа окончательно вытеснила остатки тепла. Тело окоченело.

Все прожитые им годы были сотканы из бесконечных попреков, криков и злобы. И теперь эта дорога обрывалась.

«Да и ради чего цепляться за жизнь? В ней всё равно нет ни надежды, ни смысла. Лучше просто умереть...»

Лу Цинюань покорно смежил веки. Бессильно опущенная рука безвольно упала, и он позволил ледяному потоку увлечь его на самое дно. Бороться больше не было сил.

Но вдруг сквозь толщу глухого безмолвия до него донесся тихий, невероятно нежный голос. В нем сквозила такая щемящая забота, такая глубокая любовь, словно зовущий вложил в эти слова всю свою душу:

— Сяо Цзю...

С трудом разомкнув веки, Лу Цинюань различил впереди смутный белый силуэт. Лица было не разглядеть, но от этого образа веяло долгожданным теплом — будто дохнул весенний ветер или вспыхнул спасительный костер под беззвездным ночным небом.

В затуманенном сознании этот образ стал медленно сливаться с другим — полузабытым, бережно хранящимся в самых сокровенных уголках памяти.

Но бездна продолжала тянуть его вниз, и белый силуэт начал неумолимо отдаляться. Собрав последние крохи сил, Лу Цинюань отчаянно вскинул руку, сиюсь поймать, удержать ускользающий свет.

— Постой...

Сквозь беспросветный, ледяной мрак наконец пробился спасительный луч.

Смутное воспоминание, едва различимый силуэт.

Тот, кто однажды уже спас его от гибели.

Тот, кто стал его единственным маяком в грядущем.

Белая фигура казалась совсем близкой, но оставалась недостижимой. Лу Цинюань отчаянно рвался вперед, пытаясь вырваться из цепких объятий мертвой пучины.

— Подожди... Не уходи...

Наконец пелена перед глазами рассеялась, и сквозь нее проступили благородные, бесконечно дорогие черты лица. Шэнь Мэнчжуан протянул ему руку и с мягкой улыбкой произнес:

— Сяо Цзю, я здесь.

Сделав последнее судорожное усилие, Лу Цинюань сумел преодолеть разделявшую их бездну и

мертвой хваткой вцепился в протянутую ладонь, словно утопающий — в спасительный канат.

Схватив, он уже ни за что на свете не разомкнул бы пальцев.

Шэнь Мэнчжуан рывком притянул его к себе, укрывая в надежных объятиях, и осторожно погладил по взъерошенным волосам:

— Всё хорошо. Теперь ты в безопасности.

Оцепенение мало-помалу отступало, выпуская разум из сонного забытья. Медленно разомкнув веки, Лу Цинюань увидел совсем близко встревоженное лицо Шэнь Мэнчжуана. Этот взгляд возвращал его к жизни.

«Как и всегда... Стоит старшему соученику оказаться рядом, и любой страх отступает. С ним мне ничего не грозит»

Вся накопившаяся боль, обида и горечь разом хлынули наружу. Из глаз брызнули слезы. Лу Цинюань отчаянно прижался к нему, крепко обхватив руками за шею. Тихие, судорожные всхлипы в мгновение ока переросли в неудержимые, горькие рыдания.

— Старший соученик... ты всё-таки пришёл...

Шэнь Мэнчжуан бережно баюкал его, гладя по голове. К горлу подкатил тяжелый ком, а в груди заныло от жгучего чувства вины.

— Прости меня, — глухо отозвался он. — Я опоздал.

Лу Цинюань судорожно цеплялся за его одежду, боясь разжать пальцы даже на мгновение — будто стоило ослабить хватку, и это мимолетное счастье растает без следа.

Впервые в жизни кто-то рискнул всем, чтобы спасти его.

Хуа Маньсян не трогался с места. Выпущенный им клинок с тихим шелестом обратился веером и послушно скользнул обратно в ладонь. Опадали увядшие лепестки, мерно покачивалась узорчатая бумага. Наблюдая за обнявшимися юношами, демон презрительно процедил:

— Достаточно намиловались? Если мало, продолжите свои нежности на дороге к Жёлтому источнику!

Не успело затихнуть последнее слово, как он резко взмахнул широким рукавом. В тот же миг мириады кружащих в воздухе нежных лепестков абрикоса обратились в смертоносные

серебряные иглы. Целая туча стального шквала, подобно залпу из тысяч луков, устремилась прямо на Шэнь Мэнчжуана.

— Раз уж явился сюда, оставь мне свою голову!

Закинув голову, демон с жестоким торжеством посмотрел на замерших в объятиях соучеников и едва заметно шевельнул веером. Лавина стальных жал сорвалась с места. Свистящий рой прорезал ночную тьму, поднимая ураганный ветер, швыряющий в лицо пригоршни земли и мелкого щебня.

Смертоносный цветочный шквал надвигался с сокрушительной, неостановимой силой. Он несясь прямо на них — стремительный, неотвратимый, подобный удару молнии.

<http://bllate.org/book/20579/2131922>